

5

Образ народной души

1955

Красная Звезда

г. Москва

24 МАЙ

В «Тихом Доне» и «Поднятой целине» ход исторических событий неразрывно связан с деятельностью народа. Меняющиеся жизненотношения предстают пре-ломленными через призму сознания участников и свидетелей этих событий, через их самые сокровенные думы и переживания.

Крупнейший советский художник не мог обойти опыт великого русской литературы, особенно опыт Льва Толстого в раскрытии самого процесса душевной жизни героев. В романах Шолохова мы находим знакомые нам по «Войне и миру» литературные приемы построения эпопеи — отражение исторических событий в зеркале семейной хроники, мастерство создания коллективного портрета, яркую выразительность и лаконизм при обрисовке второстепенных действующих лиц и т. д.

Однако, как высоко ни ценит Шолохов искусство психологического анализа у Л. Толстого, он не просто заимствует те или иные литературные приемы, а всегда ищет и счастливо находит художественную форму, наиболее полно соответствующую новому идеиному содержанию и новому материалу действительности.

Уже первая книга «Тихого Дона» говорит о тонком художественном мастерстве писателя не только в владении словом, в обрисовке пейзажей, отдельных сцен, лирических настроений. Но что поразительно всего в 22-летнем авторе — это глубокое знание жизни и души простых тружеников. Кого бы ни изображал Шолохов — казачью молодежь, собирающуюся на квартире подпольщика Штокмана, хуторских людей, закаленных в походах и боях казаков, нежных, лукавых, озорных, хлопотливых казачек, сварливых старух, босоногих ребятишек, о чем бы ни рассказывал — о широкой степи, о тихом Доне, о рыболовстве и полевых работах, о небе и земле, — он знает изображаемое им в совершенстве. От его зоркого глаза не ускользает ни малейшая черта быта, ни тончайшее движение чувств персонажей. С первых же страниц романа читатель

память читателя «проходные фигуры» из последней части эпопеи: портной «беженец», попутчик Аксиньи, с прибаутками рассказывающий, как он научил генеральшу «давить всех вшей разом» — бутылкой, или молодая вдова-казачка, подволнница «зовутка» с выражением «некоторой бывалости» на лице.

Шолохов умеет выделить в образе наихарактернейшую черту и экономно, в нескольких фразах, как бы при вспышке магния, осветить человека с головы до ног. Такое умение особенно важно при обрисовке второстепенных персонажей, из образов которых и складывается обобщенное изображение народа.

В красочном калейдоскопе лиц проходят комические фигуры, как бы овеянные фольклором. Они веселят окружающих, о них рассказывают с улыбкой, иногда со смехом, но в движении массы это — существенные персонажи. Особенно памятен Авдеич, по кличке «Брех», его рассказ о том, как он, по поручению «самого императора» в Санкт-Петербурге, поймал самого главного злодея в «империи». А дворня помещика, генерала Листницкого! Все это — второстепенные персонажи, но все они обрисованы с классической четкостью. Старый конюх Сашка, весь в зеленой седине, с шрамом на нижней губе, воспринимается читателем, как предшественник Шукarya. Его чудаковатость, «независимые» отношения с паном Листницким в дни запоя, его старческое обожание Аксиньи, дружба с Григорием изображены поэтически, с большой душевной теплотой.

Напомню о других второстепенных персонажах — о собеседнике Штокмана, — «складном, как голубь», красноармейце, московском рабочем-токаре, который «сам себе приказал» взорвать мост у белых. А как забыть потрясающую по силе сцену исполнения «Интернационала» пленными красноармейцами-музыкантами в седьмой части романа? Так же навсегда врезаются в

У Шолохова — талант народного писателя. Его художественное слово и интонация речи доходят, заражают потому, что

в сердце художника, во внутреннем состоянии повествователя, рассказчика, живет глубинная общность чувствований с народом, — общность не только в нравственных оценках, но и в психическом складе, в характере эстетических восприятий. Мы слышим перекрестные разговоры, реплики и выкрики, гул толпы. Перед глазами проходит взволнованный революционным подъемом коллектив казаков-фронтовиков, и восхищение казака величием, умственной и нравственной силой вождя, и гордость, что Ленин — «нашинский», и строй казачьей народной речи, перевитый юмором, и духовный мир самого рассказчика.

На одной из железнодорожных станций казаки узнали, что их направляют через Петров на Петроград. Отстранив, с одобрением казаков, есаула, Иван Алексеевич принимает на себя командование сотней идвигает ее обратно на фронт. Но сотню догоняют офицеры, представители пресловутой корниловской дикой дивизии, и предлагают «вести переговоры».

В 20-х годах советская литература столкнулась с трудностью изображения коллектива людей, особенно в произведениях, посвященных революционному семнадцатому году и гражданской войне. Одним писателям удавалось создать живой образ коллектива бойцов, но в его пределах были слабо обрисованы отдельные лица. Другие мастерски изображали отдельных людей, но из суммы этих лиц не возникал коллектив. Гармоническое решение этой задачи одним из первых нашел Шолохов.

Особенно ярки массовые сцены во второй книге «Тихого Дона», где писатель воссоздал настроение взволнованных революционным подъемом казаков-фронтовиков.

Явственно слышишь гул митингов 1917—1918 годов. видишь казачью массу и ее

среде — резко очерченные отдельные лица. Художественно воспроизведены движения народных масс, революционный передел в настроениях казачьей массы, самый «воздух» революционного времени. Грязовое дыхание революции Шолохов передал различными способами: через народную песню, народный сказ, шутку, гул толпы, залившую беседу казаков, через выполненное трагизма действие.

Ч

— Илья Митрич, а из каких народов Ленин будет? Словом, где он родился и произрастал?

Дальше следует сказ о Ленине.

В сказе (он хрестоматийно общеизвестен) отражены и революционное настроение рядового бойца-фронтовика в предверии Октябрьского вооруженного восстания, и восхищение казака величием, умственной и нравственной силой вождя, и гордость, что Ленин — «нашинский», и строй казачьей народной речи, перевитый юмором, и духовный мир самого рассказчика.

Хорошо знает Шолохов изображаемых им простых людей — каждый оттенок их чувств и каждый жест. Он безошибочно отмечает, когда Чикмасов перекрестился, когда и как сделал паузу, когда и чем похвастал, когда радостно засмеялся в темноту, когда и почему вздохнул. Во всей сцене нет ни одной неверной ноты, ни одной натяжки.

Широко пользуется в своей эпопее Мих. Шолохов литературной формой изображения отдельных участков, сторон, аспектов исторического события в восприятии действующих лиц.

Глазами Григория переданы походный быт, боевые эпизоды и батальные сцены на полях мировой войны, а затем и на полях гражданской, самочувствие казака-валериста в бою, перемены в настроениях и взглядах казака-фронтовика, его раздумья наедине с самим собой, его отношение к своей среде, к женщине и детям, к земельному труду, поэзия природы и поэзия казачьей песни, лиризм воспоминаний детства и т. д. Вот как это делает Шолохов:

«..командир... вывел сотню... и повел купа-то в сторону (Григорию казалось, что едут они назад)...

Сотня, шашки вон, в атаку марш-марш!

Голубой лизень клинков. Сотня, увеличиваясь, перешла в наем...

«Вот так, вот так, вот так!» — мысленно отсчитывал Григорий конские броски... Режущий удар в голову... Он открыл глаза; омывая их, залита кровью. Топот уха и тяжкое дыхание лошади: «хап, хап, хап!»

Безглагольная форма последнего предложения характерна для манеры повествования Шолохова. Он пользуется паузой, что

бы передать напряженность действия, взволнованность чувств, например: «Градом по сердцу — толот немецких коней», «С конских спин — мыло и кровь».

Особенно запоминаются отдельные сцены и переживания боя, например, «неуводимый мир внутреннего преображения», который протекал от момента, как Григорий выпукал коня, до того, пока он добралась до противника, а потом — реакция после боя, когда обострились чувства и возвращалась жизнь, «манящая скучными и обманчивыми радостями». Или охватившее Мелехова несознанное желание «догнать бегущий по земле свет» в бою, когда он не помнил себя, зарубил четырех матросов.

Зачастую автор делает Мелехова свидетелем героических боевых подвигов красных бойцов и командиров, беспримерного их мужества в плену. То Мелехов видит, как возле Дона беззаветно храбро, с пением «Интернационала» идет на верную смерть и гибнут в бою сто шестнадцать коммунистов Интернациональной бригады, то он с восхищением наблюдает героическое поведение беспартийного красного командира на допросе в штабе.

То, что подобные сцены (а их в романе немало) увидены глазами именно Григория, ценно в том отношении, что центральная фигура, колеблющийся казак, получает наглядную возможность для сопоставлений и в десятках случаев убеждается в идеином и моральном превосходстве красных над белыми...

В приветствии ЦК КПСС Второму всесоюзному съезду писателей говорится: «Быть на высоте задач социалистического реализма — значит обладать глубокими знаниями подлинной жизни людей, их чувств и мыслей, проявить проникновенную чуткость к их переживаниям и уметь изобразить это в увлекательно-дохолчевой художественной форме, достойной действительных образцов реалистической литературы...».

Но учиться мастерству психологического анализа современные писатели могут не только у классиков: вслед за традицией классической литературы прошлого века постепенно складывается и новая литературная традиция советских лет, в которой ведущее место принадлежит Шолохову.